

Колдовская сила

КЕНДАЛЛ КАЛПЕР

СОЛЬ
И ШТОРМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Cое)-44
К17

Kendall Kulper
Salt and Storm

*Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company,
New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg*

Обформление обложки Екатерины Климовой

Калпер, Кендалл.

К17 Соль и шторм / К. Калпер; пер. с англ. Е. Шолоховой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Колдовская сила)

ISBN 978-5-17-088242-7

Эвери Роу хочет — как все женщины в ее роду — заниматься магией и творить заклинания, которые охраняют остров и отплывающих с него моряков. Но мать почему-то удерживает ее вдали от всего этого и заставляет вести скучную, размеренную жизнь, в которой нет и намека на волшебство. Эвери часто видит один и тот же кошмарный сон, предвещающий несчастье. Она пытается разгадать загадки, которые опутали ее как рыболовные сети, пыгается спасти себя и обрести истинное могущество. Но чем ей придется пожертвовать на этом пути — настоящей дружбой, первой любовью, верой в себя?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Cое)-44

Copyright © by Kendall Kulper, 2014
© Е. Шолохова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-088242-7

ЧАСТЬ 1

Секреты китобоев

Глава 1

Вопреки стараниям матери, тот день, когда бабушка научила меня управлять ветрами, навсегда врезался в мою память. Случилось это десять лет назад. Остров Принца в те времена был не просто скалистым утесом в Атлантическом океане. В его доках теснились корабли, фабричные печи беспрерывно выбрасывали в воздух клубы густого черного дыма, а в местных пабах, откуда то и дело выходили подгулявшие моряки, царило веселье.

Тогда жители нашего острова чтили мою бабушку. Дорогу к ее дому знал каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок. Еще бы! Ведь от нее подчас зависели их жизни.

Но и в лучшие времена местный пастор с лицом, похожим на сушеное яблоко, в проповедях настраивал прихожан против бабушки и ее магии. «Иметь с ней дело, — восклицал он, грозно потрясая кулаком, — то же, что якшаться с дьяволом!» Люди смиренно кивали, поджав губы, но чуть что — все равно шли к ней.

Какой-нибудь парнишка, обычно совсем еще юнец, просил у бабушки амулет верности. Разлу-

ка с любимой волновала его куда сильнее, чем предстоящее плавание, которое могло продлиться не год и не два. Бабушка в таком случае требовала принести с дюжину волосков возлюбленной и его собственную прядь, а затем вместе с водорослями сплетала их в браслет.

— Надень его девушке на запястье, — говорила она пареньку. — И девушка останется тебе верна.

Частенько молодой человек хмурился, держа в руке такую хлипкую вещицу, вес которой едва ощущался на ладони.

— Вы с ума сошли! Эта штука разлетится в один миг. И что тогда станет с моей Сью?

— Не было такого ни разу, — отвечала бабушка. — Ни с одним из моих амулетов.

Он все еще хмурился, но прятал вещицу в карман. А позже, примерив ее на руку возлюбленной, говорил: «Это на память обо мне». Но каждая женщина острова знала, что в действительности означает такой подарок. К слову, эти браслеты и вправду никогда не рвались, не рассыпались и даже не теряли со временем цвет, ну а девушки хранили верность. На паренька действие бабушкиного амулета, конечно, не распространялось.

Мужчины постарше, капитаны кораблей и судовладельцы, чем только не одаривали бабушку. Они привозили ей белый сахар в хрустящей обертке, фрукты — да такие, что глаз не отвести, рулоны материи, гладкой и мягкой, словно кожа.

«Дары Калеба» — называли они свои подношения. Все потому, что много лет назад, когда бабушка была еще молодой, капитан по имени Ка-

леб Свини отнесся к ней пренебрежительно и не подарил ей ничего, хотя и оставался на острове в течение нескольких месяцев, пока его судно ремонтировали. А через несколько дней после того, как корабль спустили на воду, до нас дошли вести, что он попал в шторм, налетел на скалы и разбился вдребезги. Обломки дерева да клочья ткани — вот и все, что от него осталось.

Местные сокрушались — столько месяцев тяжелого труда насмарку! — и, главное, беспокоились, как бы не пострадала их репутация кораблестроителей. Впрочем, и по сей день любому на Восточном побережье известно, что нет ничего прочнее гвоздя, вбитого на острове Принца, так что тот случай нисколько им не повредил. В то время о бабушке говорили, что она умеет управлять штормом и лучше с ней жить в мире.

Не только мужчины знали дорожку к моей бабушке. Женщины обращались к ней не реже. Обычно они просили защитить мужей, когда те отправлялись в море. А бывало, что и наоборот. Случались даже казусы: как-то к бабушке пришла разгневанная женщина и посулила ей что угодно, лишь бы судно потерпело крушение и некоего Клоренса Олдрича утянул на дно гигантский кит. Загвоздка была в том, что бабушка уже изготовила для Клоренса особый талисман из перышек крапивника. А этот амулет обладал большой магической силой и не позволил бы ему утонуть.

Сейчас бабушка, возможно, попыталась бы успокоить женщину и убедить, что Клоренс не заслужил такой участи. Но тогда она чаще принимала деньги и произносила заклинания, при этом гово-

ря себе, что у несчастного Олдрича все же есть шанс спастись, прежде чем его настигнет кит.

Это были самые простые приемы, совсем несложные амулеты и незначительные заговоры, за которые люди расплачивались едой или товарами, а бабушка могла жить вполне безбедно. «Это все мелочи, — говаривала она. — Практически ничего не стоят, а сделать их проще простого».

Совсем другое дело — приручение ветров. Только самые богатые судовладельцы могли себе это позволить. Они засылали к ней своих капитанов с деньгами и указаниями. Деньги бабушка принимала охотно, указания — не слишком. «Ветра переменчивы, работать с ними сложно, и требуются огромные усилия, чтобы их связать и приручить. А тут еще всякие дураки каждый раз заводят одну и ту же песню...»

Капитаны были дерзкими и гордыми, они знали о ветрах и волнах не хуже птиц и рыб, однако в ответ на ворчание молчали, хотя наверняка это давалось им непросто. По крайней мере, я не знаю ни одного, кто бы сорвался и наговорил лишнего, как бы ни кипела в нем кровь. «Это все магия», — уверяла бабушка. Но я всегда считала, что капитаны просто готовы вытерпеть что угодно, лишь бы приручить ветер.

Таких посетителей, охотников за ветрами, она выставляла за порог и велела не приходить, пока ритуал не будет завершен. Как-то один капитан, явно чужестранец, пожелал остаться и понаблюдать за обрядом. Но бабушка заметила, что предпочитает действовать в одиночестве. Тогда он уставился на меня, ее внучку, шести лет от роду.

Я сидела в самом углу комнаты и, сощурившись, пристально глядела на него. Впрочем, если он что и подумал, то вслух этого не высказал. Мне хотелось, чтобы он поскорее убрался прочь. Дом моей бабушки — это особый мир, который принадлежал только нам двоим, ей и мне. Ну еще, возможно, в нем нашлось бы место матери, если бы та захотела. Остров Принца процветал на протяжении поколений — и все лишь благодаря магии женщин Роу, так что капитану стоило бы проявить учтивость, а не совать свой нос куда не следовало. Я нахмурилась и, пока он не вышел, так и сидела насупившись.

Бабушка прошла вглубь дома. Там, в изножье кровати стоял огромный черный сундук. Тяжелый, громоздкий, он был чуть ли не древнее самого дома, насколько я знала. Одна из Роу привезла его с собой на остров много лет назад, в нем хранились разные магические предметы. С тех пор в нашей семье сундук передавали от матери к дочери. Вот только бабушка оставила его у себя, хотя он должен был достаться моей матери. Я же ни разу, ни одним глазком не заглянула под увесистую крышку, да мне и не предлагали. А ведь всю жизнь, сколько себя помнила, спала рядом с ним.

Я сидела в углу и слушала, как длинные бабушкины пальцы бережно перебирали вещицу за вещицей, пока, наконец, она не вытянула оттуда белую веревку толщиной с мизинец и длиной приблизительно с мою руку.

— Вот, Эвери, — проговорила бабушка, усаживаясь в свое кресло. Я тут же подбежала и вскарабкалась к ней на колени. Она обняла меня. Руки ее

были теплыми, а от одежды пахло травами и древесным дымом. Я засмеялась и принялась ловить конец веревки, которую она выудила из сундука, но бабушка, хоть и держала ее вроде бы некрепко, всякий раз успевала отдернуть.

— Не трогай ее, детка, — попросила бабушка, целуя мои волосы. Ее теплое дыхание щекотало затылок. — Дай мне свои руки.

Я протянула ладони и поймала бабушкины руки, чистые, сухие, с тонкими голубыми венками, похожими на ветви деревьев. Кончиками пальцев пробежала от запястья до костяшек, оставляя чуть заметные следы на ее коже.

— Хочешь фокус? — спросила она, касаясь губами моей щеки.

Веревка туго обвила ее пальцы, поблескивая в свете лампы так, словно была сплетена из паучьего шелка. Бабушка еле заметно шевелила губами, но я не слышала ни звука, кроме ее прерывистого горячего дыхания. Я замерла, глядя на нее во все глаза. Снаружи вовсю гулял ветер, издавая протяжные стоны и дребезжа оконными стеклами. Внезапно прямо у двери раздался грохот, такой сильный, что я испуганно дернулась, вглядываясь туда, откуда послышался шум. Бабушка нежно притянула мою голову к своей щеке.

— Это фокус, — повторила она чуть слышно. — Смотри на веревку.

Веревка... Она дрожала и трепетала... В то же время руки бабушки оставались неподвижными.

Ветер усилился, завыл так пронзительно, словно ему было больно, но я не сводила глаз с на-

тянутой веревки, напоминавшей теперь гитарную струну.

— Бабушка? — прошептала я. Мое сердечко сжалось, ладони вспотели, кончики пальцев подрагивали. И тут я почувствовала, как сквозь пальцы, кожу, кости в меня проникает неведомая сила. Проникает глубоко, наполняя каждую клеточку, хватая и раздирая, будто разыгравшийся кот рвет моток с нитками.

Из глаз хлынули слезы, я хотела вырваться, но не смогла пошевелиться, словно превратилась в камень. Бабушка молчала. Меж тем ветер бушевал все неистовее, казалось, еще немного — и оконные стекла разлетятся вдребезги и тогда свирепый вихрь ворвется в дом и доберется до нас, до меня. Я шумно выдохнула, но вдохнуть... не смогла. Ни глоточка воздуха — чья-то невидимая рука сжала мне нос и рот, как будто я тонула и задыхалась.

«Бабушка!» — прохрипела я, из последних сил дергая веревку, что вертелась у нее между пальцев. Ветер с размаху колотился в окна, истошно выл за дверью, как дикий, обезумевший зверь.

Вдруг все рамы распахнулись. Я зажмурилась, чувствуя, что ветер набросился на меня. Он цапал щеки, вздымал волосы. Бабушка тут же принялась быстро и ловко перебирать веревку пальцами, туго затягивая узелки. Мои руки теперь лежали поверх бабушкиных и повторяли каждое движение, словно я была марионеткой. Я с трудом вдохнула и закричала так громко, так пронзительно, что, казалось, с этим криком вырвалась и навсегда исчезла частичка меня, растворилась в вихре. Мой вопль слился с воем ветра.

— Тс-с-с... Тише, милая, скоро все закончится...

Бабушка обняла меня за плечи, я заметила, что в руках у нее уже ничего нет, и зажмурилась. Потом икнула и наконец смогла вдохнуть полной грудью. Открыть глаза сразу не решилась, так и продолжала сидеть, зажмурившись и крепко прижав стиснутые кулаки к груди, но вскоре поняла, что ветер в самом деле умолк. В доме было тихо и прохладно.

Я осторожно разомкнула веки и осмотрелась. Все тело ныло, как если бы я хорошенько потрудились. Впрочем, то было лишь напоминанием о боли, которая пронзала меня и рвала изнутри и затем внезапно стихла.

— Мне это не понравилось, — я посмотрела на бабушку. — Мне было больно.

Сначала показалось, что бабушка меня не слышит. Дышала она тяжело, лицо ее посерело, веки подрагивали. Я нахмурилась. Вообще-то такой я видела ее не раз, обычно после каких-нибудь серьезных заклинаний.

— Бабушка? — я коснулась ее лица. Она вздрогнула, откинула голову назад и... засмеялась. Затем положила ладони мне на грудь, и я почувствовала, что от ее рук исходит и наполняет меня неведомая сила.

— Все хорошо, дорогая, — прошептала она дрожа. — Ничего, что больно. Так и должно быть.

Тут я увидела веревку и потянулась к ней, глядявая на бабушку. На этот раз она позволила взять ее в руки. Я ухватила за один конец и протянула веревку между пальцами, ощутив на ней три тугих узла.

— Что это ты сделала? — спросила я, показав на узелки.

Странное дело: когда я их сдавливала посильнее, то казалось, что внутри каждого что-то гудит и постукивает...

— Не я сделала, а мы, — поправила бабушка, забирая у меня веревку. — Каждый узелок — это ветер. Развяжи первый — и вот тебе легкий бриз. Второй — уже посильнее. А самый мощный — третий. Развязать его — значит выпустить на волю ураган, да такой ужасный, что ты даже представить себе не можешь.

— Но зачем кому-то вызывать ураган? — спросила я, склонив к ней голову.

Бабушка повела бровями.

— Я не спрашиваю, дорогая, — сказала она. — Ты запомни, у людей могут быть разные причины, это уже не наше дело.

— А я смогу сделать то же самое сама?

— Чуть позже, детка. Вот станешь немного постарше, и я все тебе объясню. А пока ты можешь мне помогать.

Она нежно взъерошила мои волосы, а у меня сразу потеплело в груди, стоило только представить, как я стану старше и бабушка всему меня обучит.

Потом она поднялась с кресла, немного постояла и, прихрамывая, медленно направилась к черному сундуку, словно заклинание лишило ее легкости и силы. С трудом доковыляв до сундука, бабушка прислонилась к стене, едва переводя дух.

Я следила за каждым ее шагом, готовая тотчас сорваться с места, если вдруг ей станет совсем

плохо или она упадет. Такое иногда случалось после подобных обрядов. Бывало, бабушка и подняться не могла, а случалось, что и падала, сотрясаясь в страшных судорогах. Тогда я подкладывала ей под голову подушку и отодвигала подалее стол и стулья. В такие моменты бабушка кричала так, что я невольно затыкала уши. Правда, об этом я потом ей не рассказывала. Но на этот раз она выглядела не так уж плохо. «Наверное, все потому, что я ей помогала», — решила я.

Бабушка подняла крышку сундука и хотела было положить туда веревку, как вдруг остановилась и посмотрела на меня.

— Подойди, детка, загляни сюда, — предложила она, и мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Затаив дыхание, я робко подошла к сундуку. Бабушка ухватила меня и притянула ближе. Глаза мои, наверное, чуть на лоб не вылезли — столько всего удивительного там водилось! Бечевки, перья, камни и всякие другие предметы, которые кому-то могли показаться самыми обычными и ничем не примечательными, но для меня были дороже любых сокровищ. Ведь каждая из этих вещиц — частичка бабушкиной магии.

Под амулетами я разглядела какие-то бумаги: записи, причем довольно странные, схемы, рисунки. Что в них начертано, я не понимала, однако была так зачарована, будто они уже были моими.

Я внимательно изучала содержимое сундука, хранившего историю всех женщин семьи Роу — историю их жизней, сложных, необычных и чаще всего недолгих. Этого казалось так мало.

Они столько сделали для нашего острова и так немного оставили после себя!

Так уж повелось, что женщины из нашей семьи едва доживали до сорока — а точнее, до тех пор, пока не подрастали их дочери, которых можно было наделить даром.

— В этом сундуке — память обо всех поколениях Роу, — прошептала бабушка. — Все, что мы когда-либо узнали или создали сами. И переходит он от матери к дочери еще со времен самой первой из семьи Роу. Моя бабушка передала его моей матери, моя мать — мне, а я когда-нибудь передам его тебе. Ты — одна из нас.

Бабушка наклонилась и поцеловала меня. Удивительно! Одна из нас... Она говорила не просто о семье Роу — о ведьмах острова Принца. А во все времена на острове могла быть только одна ведьма. Моя мать тоже могла бы ею стать, но занималась магией только бабушка.

— Все это будет твое. Понимаешь, Эвери? — ее слова вывели меня из раздумья.

Конечно, я понимала! Это я буду следующей после бабушки ведьмой Роу — не мама, а я!

Я кивнула, и бабушка крепко обняла меня, обволакивая запахом дыма. Вспомнилась мать. Едва мне исполнился год, она покинула нас, потому что не хотела становиться ведьмой. Из-за этого бабушка была вынуждена заниматься магией гораздо дольше, чем положено, что сильно ее изматывало. Она слабела, заклинания давались все труднее, и местные даже стали о ней тревожиться.

Я должна была по праву занять место ведьмы и вернуть те славные деньки, когда все на остро-